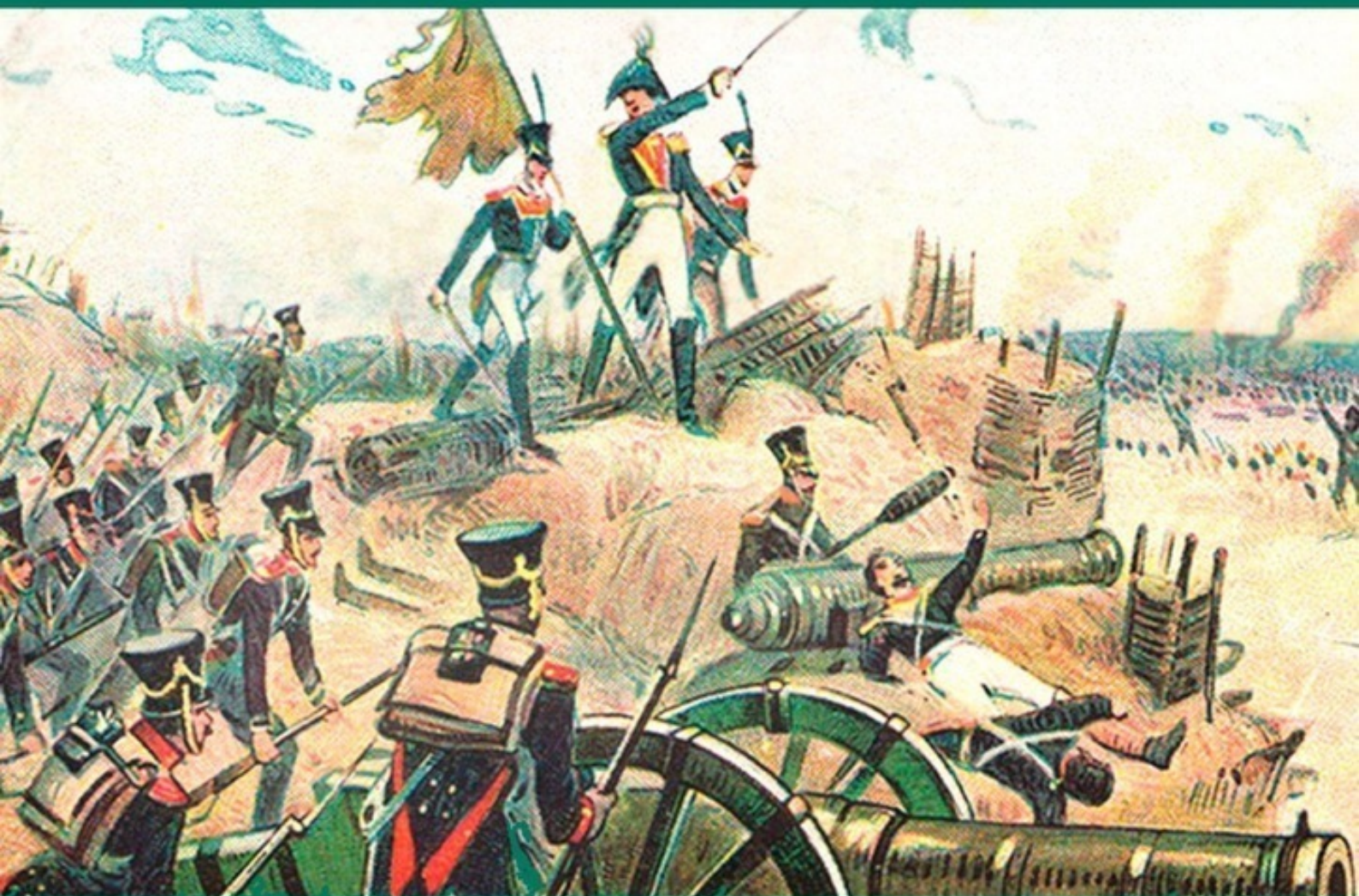

Константин Ковалев-Случевский

ШПАГА ГЕНЕРАЛА РАЕВСКОГО

Исторические рассказы для детей

Константин Ковалев-Случевский

**Шпага генерала Раевского.
Исторические рассказы для детей**

«Издательские решения»

Ковалев-Случевский К.

Шпага генерала Раевского. Исторические рассказы для детей /
К. Ковалев-Случевский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965739-8

Историко-приключенческие рассказы для детей, напоминающие о славных событиях, случившихся с ее героями в далекие пушкинские времена. То, о чем здесь повествуется, в большинстве своем, происходило на самом деле. Братья Раевские, юноши — 11 и 16 лет от роду — совершили подвиг, отмеченный потомками. Быть может, читатель воодушевится поисками исчезнувшей золотой шпаги с надписью «За храбрость», которая стала поводом для написания этого исторического повествования. Что ж, удачи!

ISBN 978-5-44-965739-8

© Ковалев-Случевский К.

© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	6
ВОР ТИМКА	7
УРОК ГРАММАТИКИ	13
В БОЮ ПОД САЛТАНОВКОЙ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Шпага генерала Раевского Исторические рассказы для детей

Константин Ковалев-Случевский

© Константин Ковалев-Случевский, 2019

ISBN 978-5-4496-5739-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

Иногда в жизни человека может происходить так много событий, что она становится похожей на выдуманную историю. Тогда реальность выглядит интереснее самых невероятных фантазий или героических приключений.

То, о чем рассказано в этой книге, в большинстве своем, происходило на самом деле. Иногда автору даже не надо было придумывать слова героев – они цитируются почти буквально. Необычные обстоятельства случились почти двести лет назад, в начале XIX столетия. Однако в ту пору и говорили, и писали немного по-другому. Потому и автор не стал осовременивать речь главных персонажей – пусть остаётся таковой, какой она бытовала в эпоху поэта Александра Пушкина и Отечественной войны 1812 года.

Именно в те времена два брата, юноши – 11 и 16 лет от роду – совершили в разгар опасной баталии подвиг, отмеченный затем потомками, а нынче – немного подзабытый, вызывающий споры, отмеченный как историческая легенда, хотя доказуемый как правдивый факт. Хроника тех ярких событий и легла в основу этой книги.

Быть может, читатель, которого увлекут рассказы о реликвии семьи Раевских – одной из самых известных фамилий в российской творческой и военной среде, воодушевится поисками исчезнувших из поля зрения историков двух золотых шпаг с надписью «За храбрость», которые стали поводом для написания этого исторического повествования. Следует заметить, что генерал Н. Н. Раевский получил их в разное время за разные заслуги. Отыскать их следы – дело всякого увлеченного историей пытливого человека.

Что ж, удачи!

ВОР ТИМКА

– Вот оказия, не иначе, как нечистый повадился.

Дядька Ефим держал в руке обглоданную кость от окорока.

– Который день в погребе пропажа.

Лицо у дядьки Ефима, обычно всегда спокойное и невозмутимое, выражало негодование. Глаза вытаращены, брови выгнулись дугой. Борода всклокочена, не расчесанные волосы взлохмачены, да еще эта кость в руке. Ну, домовой, да и только.

– Попадешься мне, разбойник...

Николенька с Петрушкой за животы схватились. Покатались со смеху.

– Вы бы, барин, шли обедать. Не пристало тут по двору с шалопаями водиться, – сердито процедил дядька Ефим и загремел ключами, закрывая тяжелую дверь. Потрогал рукой железное ушко, подергал на всякий случай чугунный замок. Все было крепко, прочно.

– Тьфу, наваждение, – махнул рукой.

Из-за усадьбы донесся крик няни:

– Никола-ай! К обеду жду-ут!

Николенька хлопнул Петрушу по плечу и пустился к дому.

– Ну, где вы пропадаете, голубчик?! Все сидят уж за столом, а вас не докликаться. Маменька мне опять выговаривала.

Маша тащила Николая за руку. Хватка у нее крепкая, аж кисть затекла. Коса толстенная, колыхается волной при каждом шаге.

Машу определили к господским детям недавно, после того, как померла няня Елизавета Антиповна, ее матушка. Хотели было взять новую няню. Но дети уж привыкли к прежней. А у дворовой прислуги Маши – и сноровка, и покладистость – как у родительницы. Да голос тот же – певучий, грудной. И те же глаза – добрые и красивые... Решили оставить Машу, хотя ей едва минуло шестнадцать лет...

– Вот что скажу, барин. Нет нужды вам с дворовыми бегать. Петрушка и Кирюшка вам не чета.

– А матушка мне позволяет.

– Опять же, скажу. Мосье Тильон наказывал, что нельзя, что сие дело молодому дворянину непристойно,

– А матушка говорит, когда мне скучно: «Поди во двор, сыщи Петрушу да Кирюшу и поиграй с ними».

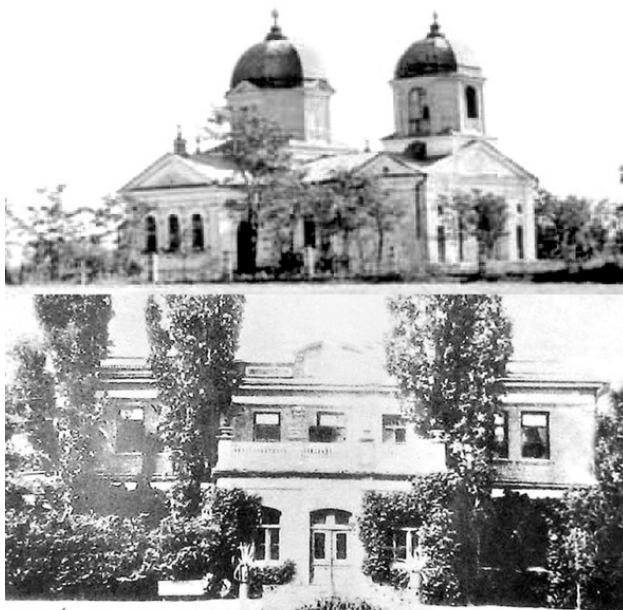
– Знаю, что говорит, но мосье...

– А матушка...

– Вот несносный. Играй хоть с Сидоркой-конюхом. Но ведь ежели кому первому попадет, так мне.

– Ну и пусть попадет...

Николенька вырвал руку из Машиной ладони и побежал в залу. У двери остановился, оглянулся и показал ей язык.

Плохо сохранившиеся фото начала XX века. Вверху: храм-усыпальница Раевских в селе Разумовка, родовом имении. Внизу: дом Раевских в Бовтышке.

За обедом все ели молча. Разговаривать разрешалось лишь взрослым, да и то – в исключительных случаях. Николай сидел по правую сторону от матушки, вслед за братом – Александром. Напротив чинно восседали сестры – Леночка, Софья и Маша. Катенькино место пустовало. Она опять мучилась кашлем и теперь лежала в спальне. Пустовал стул и во главе стола. Папенькин. Впрочем, с этим все свыклись. Наезжал он редко. Раньше предвещивал об этом за месяц письмом, которое он обычно отправлял с места какого-нибудь сражения, а потому шло оно долго и попевало обычно перед самым его приездом.

Нынче за обедом молчание нарушила матушка Софья Алексеевна.

– Сегодня опять кто-то в погреб залезал. И странно весьма. Ефим говорит ничего не тронуто, а окорока все обкусаны, вроде зверек какой появился.

При этих словах Николенька замер, набрав полный рот супу.

– Не знаю, что и думать. Может, замок сменить...

Матушка обращалась к своей сестре – Екатерине Алексеевне. Та, как обычно, безмолвствовала. За обедом – редко проронит хоть слово. Да и вообще держит себя надменно, любит напоминать при случае, что приходится внучкой самому Михаилу Васильевичу Ломоносову, не в пример сестре – спокойной, сдержанной и общительной.

Последние слова матушки заставили Николеньку забыть про обед. Он положил ложку на салфетку и приготовился ждать, чем же кончится разговор. Но продолжения не последовало. Старшие перешли на обсуждение какой-то новости, пришедшей с фронта из Австрии. Мелькали странные слова и названия: Гутштадт, Фридланд, Тильзит...

Николеньке было из-за чего волноваться. Не далее, как три дня назад, поведали ему верные друзья Петруша да Кирюша свою тайну. Играя на дворе, нашли они ключ. Долго проверяли все хозяйские замки. Подошел ключ к большому висячему замку от двери в погреб. Когда они открыли ее, навстречу пахнуло холодом и вкусным запахом копченостей. Уже вторую неделю к столу не давали мяса. Постились, соблюдая традицию. А тут – окорока, колбасы – чего только нет. Раздобыли свечу, зажгли. Открылись им такие яства, что не удержаться. Для кухаркиных детей – ох, какой соблазн! Съели сколько смогли. Дверь опять затворили и замок повесили. Никто и не заметил. Лишь теперь, вот, дядька Ефим тревогу забил.

Николенька обед доедать не стал. Тарелку с постным салатом отодвинул.

После обеда матушка по обыкновению отдыхала. Николенька вышел на двор, а Петруша с Кирюшей уже тут как тут.

Петруша, захлебываясь от возбуждения, стал рассказывать.

– Дядька Ефим давеча заглядывал на кухню. Когда наши дворовые за стол-то сели, он туда же. Да не ест, а все по сторонам глазами зыркает.

– А ты чего?

– А я сижу себе на сундуке. Он мне и кричит: «Чего сидишь? Ложка не кошка – рот не оцарапает. Иди обедать».

– Не хочу, – говорю.

– Как не хочу. Из разговоров щи не сварить, – и тащит меня к столу.

– Ешь!

А мне ломоть в горло не лезет. Сыт уж, в погребе от сколько съели.

– Ой-ли, да где же это тебя так угощали, что от обеда отказываешься? – все твердит дядька Ефим.

– Тут я подскочил и наутек. Едва дух перевел. Кирюху увидел и сразу сюда.

– Да-а, видно догадался он. Нехорошо все это получилось.

– Дядька Ефим ремнем пороть станет, ежели узнает.

– Не-ет. Он добрый. Да и матушка ему не позволит, – сказал Николенька. – Но надо вас выручать.

Николенька присел на корточки, стал рассматривать камешки на дороге.

– Вот что, придумал. Надо подозрение отвлечь. Где у вас ключ запрятан? Пошли.

В старом липовом парке был овраг, спускавшийся к реке. Одна липа склонилась к земле, так, что скребла своими ветвями землю, будто громадными крючковатыми ручищами. У корней дерева была расщелина, там, в глубине, устроили ребята тайник. Ключ взяли. Вернулись на двор. Осмотрелись. Никого. Забрались в погреб. Вынули кость от окорока. И погреб закрыли.

Неподалеку жил дворовый пес – Тимка. Вечно голодный, он бродил целыми днями среди усадебных построек, а по ночам лаял звонче всех легавых на псарне. Матушка все сердилась – спать ребятам не дает. Хотели свести в лес или пристрелить. Но пожалели.

В Тимкину будку и кинули друзья мясистую кость. У пса даже глаза заслезились. Не ожидал он такого щедрого подарка, схватил кость в зубы и смотрит на своих благодетелей.

– Да ешь, ешь же ты поскорее...

А он положил кость на землю, и все стоит не шелохнувшись, словно удивляется. Наконец, облизав ее и зажав между лап, стал грызть...

Наутро следующего дня, к завтраку, в столовую пожаловал сам мосье Тильон. За ним вышагивал дядька Ефим. В правой руке он тащил за шкуру бедного Тимку. Тот иногда жалобно подскуливал, и как-то виновато, с недоумением поглядывал на своего экзекутора.

– Попался, тать. Вот кто наши припасы таскал. Кости-то раскидал вокруг конуры.

– Что прикажете делать с этим воришкой? – спросил у Софьи Алексеевны мосье Тильон.

– Вот уж и не знаю что, но надо наказать.

– Утопите его в пруду? Камень на шею и буль-буль-буль? – произнес с едва заметной улыбкой и удивлением мосье Тильон, и смешно изобразил тонущего Тимку.

– Пусть посидит взаперти денек-другой. И кроме воды ничего ему не давать, – вступился дядька Ефим.

– Ладно. Пускай посидит в чулане. Но ежели будет лаять да скулить, пусть пеняет на себя.

Тимка благодарными глазами посмотрел на барыню и на дядьку Ефима, как будто понимал язык людей.

Через минуту процессия, сопровождающая пойманного «злодея», отправилась исполнять приговор.

Герб рода Раевских

Николенька сидел после завтрака на ступенях парадного входа и плакал. Ему очень жаль было Тимку. Ведь он, конечно же, будет скулить и лаять, а потом его, вдруг, могут утопить в пруду. Но пес же ни в чем не виноват. А выдавать друзей тоже нельзя. Как быть?

Он пошел по двору в парк. Хотелось поговорить с товарищами. Но Петрушки и Кирюшки нигде не было. Наверное, ушли в поле, или еще по какой хозяйственной надобности.

Николенька вернулся в дом, спустился вниз по лестнице к чулану.

– Тимка, Тимка, ты тут? – позвал он пса.

За дверью тихонько заскулил Тимка и стал царапать об нее когтями.

– Не бойся, Тимка, я тебя в обиду не дам. Ты только сиди тихо, не шуми. Потерпи уж маленечко.

Тимка, видно, понял и затих. Николенька вздохнул, постоял еще немного и медленно пошел наверх. Ему, вдруг, очень захотелось кому-нибудь обо всем рассказать, с кем-нибудь посоветоваться. Единственно с кем было можно, так это со старшим братом – Александром. Он был поверенным во многих Николенькиных тайнах. Да, нужно все ему рассказать.

Николенька поднялся на второй этаж, подошел к комнате брата. За дверью слышались голоса, мосье Тильон говорил что-то по-французски. Диктовал. Значит, там урок. Сейчас входить нельзя. Мосье Тильон очень строгий и сердитый. Как только наняли его гувернером, так стал он заводить свои порядки. Говорить с ним можно только по-французски, читать в свободное время только французские книги.

Вечерами, втайне от матушки, он любил рассказывать о Наполеоне Бонапарте, который будто покорил всю Европу, и равного правителя нет, и не было во всю мировую историю. На столе у мосье Тильона стояла гравюра, на которой был изображен этот человек. Орлиный нос, направленный в одну точку взгляд, чуть наклоненная вперед голова, прилизанные волосы – все выражало в нем какую-то надменность и, как говаривали взрослые – хладность мысли.

Мосье Тильон гордился этим портретом. А няня Елизавета Антиповна прежде замечала ему в ответ, что у Наполеона роковой взгляд. Будто ожидает его несчастье в жизни, и славе его

придет конец. Брат Александр поддерживал няню, а мосье Тильон страшно гневался и переставал рассказывать.

– Батюшка нам говорил, что только великий Суворов никогда сражений не проигрывал, – заключал Александр. – Он бы мог одолеть Бонапарта. Да вот нет Суворова.

После этих слов мосье Тильон угрюмо бормотал что-то себе под нос, уходил в свою комнату, закрывался, и, выпив рюмку рома, засыпал до самого завтрака.

Теперь урок закончился. Слышно было, как мосье Тильон что-то выговаривал брату. Затем раздались звуки шагов. Мосье Тильон вышел из комнаты, даже не взглянув на Николеньку.

– Саша, можно к тебе? – спросил он сквозь приоткрытую дверь.

– Заходи, заходи.

Брат складывал тетради, вытер измазанные в чернилах гусиные перья, затем собрал чернильный прибор.

– Садись, чего стоишь.

Николенька любил сидеть у брата. В комнате было много интересных предметов, но в большей мере – книг. «Наука побеждать» Суворова, с дарственной надписью папеньки, «Юности честное зеркало», которую иногда читали вслух. Особенно любопытно было просматривать «Краткое понятие о всех науках для употребления юношеству», где неизвестный автор задавал какой-нибудь вопрос и сам себе на него отвечал. Все, что интересовало и Сашу, и Николая, было собрано в этой книге. Тут можно было найти сведения о литературе, истории, о музыке и по военному делу.

АРХИВЪ РАЕВСКИХЪ.

ТОМЪ I.

Печать Н. Н. Раевского ст., 1812 г.

Издание П. М. Раевского.

Редакция и приращанія Б. Л. Модзалевского.

— 23 —

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 13).

1908.

Николенька уже давно усвоил, что в их семье все – по отцовской линии – были военными. И прадед, и дед, и папенька. Для своих сыновей Николай Николаевич Раевский иной участи

и не желал. Традиция переходила по наследству, как и имя Николай. Куда ни глянь в родословную – во всех коленах Николаи Николаевичи...

– Случилось чего? Почему нос насупил?

– Случилось.

– Одной беде не миновать – двум сразу не бывать. Рассказывай.

Николенька почесал затылок, посмотрел на брата. Ему – можно. Все равно, кроме него никто не поможет. И рассказал все, как на духу.

– Выходит, виноватые гуляют, а безвинный взаперти сидит.

– Саша, только ты не думай, что Петруша с Кирюшкой все нарочно подстроили. Они и не знают еще, что Тимку в чулане заперли. А их ведь тоже жаль.

– Знаешь ли, папенька часто говорил: «Сам погибай, но товарища выручай». Поди-ка к ним и подумайте вместе, как вам Тимку из плена выволочить.

– Если они признаются, их сильно накажут. Но что если... – Николенька радостно вскинул голову. – Придумал! Пусть накажут, но накажут всех, а значит, никому обидно не станет, да и не будут больно наказывать.

– Почему же?

– Вестимо, почему.

Николенька поспешил прочь из комнаты. В зале нашел он матушку, сидящую за чтением табель-календаря.

– Что ты, голубчик? – опросила Софья Алексеевна.

– Маменька, я хочу вам сказать...

– Что? Что сказать?

– Я хочу вам сказать... – Николенька замешкался на мгновение, но затем твердо выговорил. – Хочу сказать, что пес Тимка не виноват совсем в краже из погреба.

– Как же, не виноват! Кому же еще, как не ему колбасами лакомиться?

– Маменька, это я виноват. Вернее... я не один был. Но виноват только я.

– Да как же ты, дорогуша, в погреб-то пробрался?

И Николенька рассказал все, как было, только главный заводилой вывел себя, а Петрушу и Кирюшу, будто, он сам уговорил идти с ним.

Конечно, маменька рассердилась. Тимку тотчас выпустили. Николеньку наказали. Три дня сидел он под домашним арестом, никуда не выходил из комнаты, сладкого ему не давали. Но Петрушу и Кирюшу не тронули. Только их мать отругала на кухне, да дядька Ефим потаскал за уши, и то, не больно.

Александр, узнав о происшедшем, ничего не сказал. Но когда через три дня арест был снят, за обедом он пододвинул Николеньке свою порцию фруктового желе.

– На вот, – прошептал он, – Молодец, горжусь.

Николенька ничего не ответил. Он был очень рад похвале брата.

УРОК ГРАММАТИКИ

Вскоре, мосье Тильон стал давать специальные уроки и Николеньке. Послеобеденное время полагалось проводить, изучая науки. Мосье Тильон заходил в Николенькину комнату, раскладывал на диване подушки, ложился на спину и, заложив руки за голову, говорил:

– Ну-с, сегодня у нас урок французской грамматики. Открываем книгу на странице тридцать четвертой и читаем...

Убедившись, что Николенька взял книгу и начал ее листать, мосье Тильон закрывал глаза и через минуту мирно храпел. Засыпал он надолго и крепко – пушкой не разбудишь.

Вот тут было Николеньке простору. Он по обыкновению откладывал книгу, открывал окно и выпрыгивал наружу. Пока спит гувернер, можно заняться своими делами. Какими? Ну хоть, к примеру, пойти за ограду в поле, где конюх Сидорка пасет табун лошадей.

– А-а, идешь. Опять будешь нынче просить поездить на вороном? – спросит Сидорка, пощелкивая арапником.

– Буду...

– Так давай скоренько, пока никто не видит.

Николенька вскакивал на вороного жеребчика и носился по поляне, пока Сидорка не кричал ему:

– Хватит, хватит? А то заругают...

Николенька спрыгивал с лошади, доставал две конфеты. Одну протягивал Сидорке, другую – на ладони – подносил к лошадиной морде. Жеребчик брал конфету осторожно, мокрыми губами обмусоливал пальцы и обдавал руку теплым дыханием...

А можно было пойти в сад и там найти сторожку. На лавочке у сторожки всегда сидел дремучий старик – Ипатий. Никто и не знал столько ему лет. Но он все продолжал нести свою сторожевую службу.

– Нельзя нам в отставку. Как же – вся жизнь при ружье... – говаривал Ипатий.

– Вот послушай-ка, – начинал он свои рассказы, которые Николенька уже слышал много раз. – Вот послушай, барин, как воевал я с турками. Ух-х и дела были. Идем это мы, значит, на приступ ихней крепости Измаил. Впереди – отвесная стена и ров глубокий под нею. Позади – наши напирают. Лезем мы, значит, на стену. Руки в кровь раздираем. Турок нас сверху картечью обжигает. Падают по обе стороны дружки-солдаты вниз, а наверху – смерть верная, не иначе. А мы кричим «ура-а» что есть силы, и крик этот нас будто сам на стену подымает. И ворвались мы таки в крепость. Смяли супостата...

Тут глаза Ипатия загорались, он покрепче надвигал на лоб старую форменную фуражку, повторял все сначала. Рассказ завершался обычно одним и тем же.

Николай Николаевич Раевский – командир Нижегородского драгунского полка (1793—1796).

– Вот в этот самый момент он меня как раз и ударил... в это самое плечо. Тут я упал и более ничего не помню...

Ипатий замолкал после этого надолго. А некоторое время спустя, вдруг, предлагал снова.

– А хошь я еще скажу про турецкую войну?

Хотел Николенька или не хотел, Ипатий начинал вновь, и опять заканчивал историей, как его «ударили в это самое плечо»...

Но с Ипатием было интересно. Слушая его можно было сидеть часами, грызть яблоки или покусывать зубами стебелек травы. Вот и сейчас Николенька, выпрыгнув из окна, пустился в сад.

Ипатий сидел, как и прежде, на лавке у забора.

– Кого принесло? Подойди ближе, не видать, – прищурился старик.

– Это я, дедушка, Николай.

– А-а, Николай. Ну, садись, время не теряй...

Ипатий подвинулся. Но Николенька на лавку садиться не стал, а опустился на траву напротив старика.

– А что, дедушка, вправду говорят, что ты прежде с папенькой служил?

– Бывало. Служивал...

– Давно?

– Ох, давно, милый. Еще при светлейшем князе Потемкине. Чудное было время, и князь чудной был.

– Расскажи, деда.

– Да что рассказывать... Память слаба стала. Хуже нету... А Потемкин любил твоего батюшку. Сам его в полковники произвел, сам ему и наставления давал.

– Какие наставления?

– А вот, пример, говорит он ему: «Слышь-ка, братец, трус ты или не трус?» – «Думаю, нет», – отвечает твой отец, – «А даже ежели не трус, то укрепляй свою смелость частым обхождением с неприятелем». Во как!

– И что?

– Что-что, укрепляли... На нашу долю хватило. Воевал твой отец под началом у Кутузова, знаемо, хорошего генерала. В другую войну даже наградили его шпагой, эфес золотой, а на ней нацарапано – «За храбрость». Сам чистил клинок. Помню...

Дед, вдруг, закрыл глаза, как будто заснул, и чуть ли не захрапел.

– А еще расскажи, дедушка Ипатий...

– Далее рассказывать – мало интересного. Времена другие и люди другие. Хлебнули и мы горя.

– Как же?

– На Кавказе воевали. Там как раз братец твой Александр на свет и родился, дай ему Бог здоровья. А при императоре, при Павле, всех прежних командиров стали менять на других. Тот, кто пороку не нюхал да выслужиться хотел, тот и стал командовать. И отца твоего исключили со службы. Отправились мы домой, будто ничего с нами прежде и не было. Так и сидели на домашних харчах. А я вот с тех пор с этой самой лавки и не слезил. Стар стал, к службе не годен. Уж и помирать скоро...

– Не-е, дедушка, ты не помрешь.

– Да ну, – усмехнулся Ипатий. – Как это?

– Нельзя без приказа-то. Ведь батюшка в отъезде, приказать некому.

– Ну, насмешил. Смерти не прикажешь... – Ипатий улыбнулся беззубым ртом. – Тебя, чай, уж ищут. Снова Маше, няне твоей, попадет.

– Я мигом назад. Прощай, дедушка...

Николенька вскочил, и, что есть сил, побежал обратно. Окно было открыто, он влез на подоконник и спрыгнул на пол. Мосье Тильон заворочался на диване, открыл один глаз.

– Внимательней, внимательней надо читать. И поменьше стоять да в окна глазеть.

– Там кто-то приехал...

Действительно, по дороге к усадьбе подъезжала коляска. Вот она остановилась, из нее вышел офицер. Он что-то сказал кучеру и стал подниматься по ступенькам к парадному входу.

– Где? Кто приехал? – Мосье Тильон подскочил и принялся складывать подушки. – Урок на сегодня закончен.

Николенька быстренько собрал перья и книжки, и, не спрашивая разрешения, вприпрыжку побежал в залу.

Софья Алексеевна Раевская, урожденная Константинова. С картины В. Л. Боровиковского.

Матушка за столом читала бумагу. Рядом сидел приехавший важный офицер.

– Ты должна ответить ему, что это никак невозможно. Что за блажь такая! – сердито говорила Екатерина Алексеевна.

– Не знаю, дорогая, как поступить. Но раз просит Николай Николаевич, отказать не могу...

– Да неужто прямо так вдруг и сорвешься? Бросишь все дела, поедешь невесть куда? Хорошо еще, хоть времена мирные наступили. Но сама знаешь, что говорят. Вон Бонапарт у самой российской границы стоит. А что, если и у нас война будет? Что тогда?

– Не знаю, не знаю. Но ехать надо.

В залу вошел Александр. Он не слышал разговора и потому спросил:

– Кто приехал, матушка?

– Да вот, Саша, папенька письмо прислал. Просит приехать к нему в войска, привезти вас с Николенькой. Тебе, Александр, в полк, а Николеньку пора, говорит, приобщать к службе.

– Да куда же ехать? Ты глянь, у Александра отпуск, а уж Николенька... – не унималась сестра.

– Что же вы решили, маменька? – перебил ее Александр.

Софья Алексеевна важно оглядела всех присутствующих. Рука с письмом опустилась на стол. Тихо, почти шепотом, она ответила:

– Ехать...

В БОЮ ПОД САЛТАНОВКОЙ

Весной 1812 года в братья Раевские выехали к западной границе России.

На самом деле, двинулись целым обозом. Матушка решила сопроводить их некоторое время. Так и ехали, впереди, в старенькой, потрепанной карете, матушка с сыновьями. Следом – на повозке с багажом и провиантом – дядька Ефим, назначенный присматривать за Николенькой.

Тракты длинные, от одного селенья до другого добираться долго, оттого и взяли с собой всяческую поклажу.

Карета висит на мягких рессорах, и когда, особенно под гору, она разгоняется, то качается во все стороны и подпрыгивает, словно мячик. Колеса у кареты громадные, поворачиваются медленно и слегка поскрипывают.

На козлах сидит Сидорка. Когда настает длительная стоянка, он не спеша выпрягает свою двойку. Лошади чистокровной вятской породы подобраны одна к другой, так, что и не отличишь. Пышные гривы и черные хвосты их свисают чуть ли не до самой земли. Сидорка очень гордился своей упряжью. «Вятки» определены были для прохождения службы вместе с Николенькой и Александром.

После ночевки собирались в дорогу быстро. Сидорка уже сидит готовый, держа поводья. Лошади, отдохнув, грызут удила в возбуждении, перебирают ногами, но карета стоит на месте как вкопанная. Сидорка сдерживает их окриком.

Наконец все рассаживаются по местам.

– Ну, давай, пошел! – командует Сидорка, взмахивая поводьями.

Лошади срываются с места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.